

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Девайкина Игоря Александровича на тему «Преодоление корреляционизма в современной онтологии (на материале работ Г. Хармана, К. Мейясу и Р. Брассье)», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.1. Онтология и теория познания

После того, как Иммануил Кант завершил гносеолого-эпистемологический («коперниканский») поворот в философии, начатый еще Декартом, создал теорию опыта и заявил, что «гордое имя онтологии» должно быть заменено «скромным именем простой аналитики чистого рассудка» (В 303), неоднократно возникали попытки возродить онтологию в качестве доминирующего философского раздела. К числу подобного рода онтологических устремлений относится и анализируемое в диссертации И.А. Девайкина современное направление, получившее общее название «спекулятивный реализм».

Спекулятивный реализм, как известно, появился совсем недавно, в 2007 году, в результате состоявшегося в Лондоне воркшопа. Участниками того семинара были Йэн Грант, Рэй Брассье, Грэм Харман и Квентин Мейясу. Сейчас это течение объединяет слишком разных и зачастую непохожих друг на друга философов со своими оригинальными концепциями, в том числе присоединившихся позже, однако для всех них характерно общее стремление преодолеть «корреляционизм», осуществить «прорыв» к «независимой» от познавательных инструментов реальности, непосредственному бытию и, стало быть, к спекулятивному онтологическому мышлению.

Как отмечалось, вот уже несколько веков прошло с тех пор, как традиционная философия напрочь закрыла доступ к непосредственному бытию с помощью непробиваемого щита, состоящего из многообразнейших рассудочных, сугубо разумных и других символических форм. По выражению Мейясу, мы имеем непосредственный доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но сами мышление и бытие никак

не могут быть предметами нашей рефлексии. Вот эту самую непреодолимую «стену» корреляции, по кирпичикам сложенную всей совокупностью познавательных инструментов, механизмов и процедур, языком как домом бытия, а также необозримым количеством историко-культурных и социальных форм и установок спекулятивные реалисты и задумали преодолеть. Результатом этого «натиска» должен стать, по мнению спекулятивных реалистов, «выход» к бытию как таковому, к независимой от мышления реальности, к так называемой «вещи самой по себе». Что же из этого получилось?

Диссертант как раз и ставит перед собою цель реконструировать проект преодоления корреляционизма в спекулятивном реализме и выявить мотивы, истоки и трудности реализации этого масштабного предприятия (С. 12). В свете сформулированных цели и задач актуальность диссертации представляется несомненной. Во-первых, недавно появившееся онтологическое направление не получило еще в должной мере своего освещения и детального критического анализа в отечественной философской мысли. Этим досадным фактом объясняется как актуальность диссертационного исследования, так и его неоспоримая новизна.

Во-вторых, центральная проблема спекулятивного реализма – преодоление корреляционизма – является одной из актуальнейших задач, выдвигаемых многочисленными онтологическими направлениями, стремящимися преодолеть диктат субъекта и, соответственно, обратиться «к самим вещам». Стало быть, прояснения, изучения, логической обоснованности и даже философской легитимации требует сама постановка вопроса: как преодолеть субъект? Возможно ли это осуществить и почему это необходимо сделать? Поскольку анализируемое в диссертации направление ставит перед собою аналогичные вопросы, постольку работа И.А. Девайкина приобретает актуальное значение и новизну, выходящие за рамки исследования одного лишь конкретного онтологического течения, но распространяющиеся на более широкий круг, если можно так выразиться, «антисубъектных» учений.

В-третьих, актуальным остается критический и структурный анализ различных антикорреляционистских стратегий, того набора средств, которые предлагаются в качестве операциональных способов преодоления той «символической сети», которая одновременно и репрезентирует, и конструирует реальность в человеческом мышлении.

В-четвертых, требуют детальной экспликации разнообразные причины того заметного увлечения новым направлением, своего рода «моды» на спекулятивный реализм (особенно на работы К. Мейясу), которые стали актуальны и заметны в последнее десятилетие внутри нашего философского сообщества.

В-пятых, актуальным является поиск и определение того места, которое спекулятивный реализм занял среди других онтологических направлений, стремящихся преодолеть «диктат» субъекта. Необходимо выяснить, каковы «взаимоотношения» спекулятивного реализма с другими «родственными» проектами и каковы перспективы подобного рода философских начинаний, ставящих перед собою аналогичные цели.

Таким образом, диссертация И.А. Девайкина обладает очевидной актуальностью и новизной. Это позволяет ей занять свое место среди аналитических работ, посвященных не только современным онтологическим теориям, но и вообще актуальным философским теориям нашего времени.

Первая глава исследования посвящена исследованию истоков спекулятивного реализма и сущности корреляционизма. Прежде всего мне хотелось бы отметить, что автором работы очень точно поставлен своего рода «диагноз» изучаемому направлению, сразу же много проясняющий о «скрытой» сущности этого проекта: «сегодняшнюю онтологию особенно интересует бытие, которое для своего существования не нуждается в наблюдателе» (С. 17), и, кроме того, «современные онтологи требуют элиминирования <...> таких антропных феноменов, как смысл, цель, ценность, культура, история и язык» (С. 20). Столь экстравагантная и эпатажная задача – обойтись без наблюдателя, его ценностей, языка и культуры при изучении бытия – безусловно, требует внимательного подхода

и предельно скрупулезного анализа, ибо поставленная цель вызывает огромный недоуменный вопрос: как такое в принципе возможно?

Нельзя не отметить довольно точную экспликацию автором сущности корреляционизма: по мнению диссертанта, этот феномен включает в себя такие составные части, как субъектоцентризм, антропологизм (или антропологизацию реальности) и первичность корреляции, которую следовало бы назвать приматом конструктивного мышления в его отношениях с бытием (С. 19–21). Диссертант совершенно справедливо полагает, что, в конце концов, «окончательно избавиться от всех трех частей корреляционизма (субъектоцентризма, антропологизма и примата корреляции) не удалось никому из спекулятивных реалистов» (С. 23). К этому можно только добавить, что такая задача в принципе невыполнима для человеческого постижения бытия. Вместе с тем, нужно согласиться с выводом диссертанта о том, что «критика понятия субъекта стала одной из предпосылок современного онтологического поворота» (С. 30).

Вторая и основополагающая глава диссертации посвящена обстоятельному анализу концепций всех трех представителей спекулятивного реализма. Первый раздел второй главы отводится исследованию объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана. Здесь мне особенно хотелось бы отметить хороший уровень анализа, осуществленный И.А. Девайкиным в отношении, во-первых, критики Харманом так называемой «философии доступа» и, во-вторых, хармановского обоснования «плоской онтологии» и объектно-ориентированной онтологии в целом. Вполне справедливым и обоснованным выглядит общий вывод автора, касающийся объектно-ориентированной онтологии Хармана и состоящий в том, что последний «с одной стороны, соглашается с трансцендентальным поворотом и критикой некоторых аспектов метафизики, с другой – желает вернуть онтологии (свойственной догматической философии) право описывать независимое от мышления бытие» (С. 59).

Во втором разделе второй главы речь идет о спекулятивной фактуальной онтологии Квентина Мейясу. Автор детально и последовательно анализирует важнейшие структурные элементы и характеристики спекулятивизма французского философа, такие как «радикальный» антикорреляционизм, субъектализм, фактичность, слабый и сильный корреляционизм, эра корреляции, контингентность, фактичность и фактуальность, абсолют, архиископаемое, неметафизическая онтология, математика как средство описания свойств материи и т.п. В результате диссертант приходит ко вполне обоснованному выводу о том, что, с точки зрения Мейясу, «отныне философия, скорее, не столько гносеологическое учение, занимающееся вопросами человеческого доступа, сколько онтология, изучающая условия реализации и свойства контингентности, т.е. бытия как такового», в результате чего «мы достигаем онтологии, которая понимается не как дисциплина, изучающая контингентное сущее того или иного мира, но как дискурс легитимизирующий всякую эмпирическую науку» (С. 78).

На мой взгляд, особой ценностью обладает параграф 2.2.4. диссертации под названием «Некорреляционистский субъект». Именно здесь автор исправляет и расширяет узкотрадиционное понимание взглядов Мейясу на субъект. По мнению диссертанта, в поздних работах философ «восстанавливает субъект-объектную дихотомию», которая предстает следующим образом: поскольку для Мейясу субъект и объект «представляют собой принципиально изолированные друг от друга позиции», постольку «субъект не создает объект, но он всегда с ним совпадает (в смысле тождества бытия и мышления), “перепрыгивая” корреляцию». Здесь, по мнению И.А. Девайкина, «должна подключаться идея о познании объекта через математическое описание», однако поскольку Мейясу «пока не разработал программу философского объяснения математического познания, то о том, как именно совершается прямое познание объекта говорить ещё преждевременно» (С. 81). Несмотря на эту временную недоработку, «субъект, вышедший за пределы эпохи корреляции, претендует на то, что ему удалось сбросить с себя корреляционистские оковы языка, культуры,

истории и социальных практик. Теперь для его мысли пронцаемо бытие, которое просвечивает сквозь всякое сущее. Раз отныне горизонт работы не детерминирован корреляционизмом, то субъект может сам задавать предел. Для Мейясу таковым горизонтом является воскрешение мертвых, всеобщая эмансипация, равенство и коммунизм» (С. 83). Надо полагать, что именно таковы, по мнению французского философа, ближайшие следствия распространения фактуальной онтологии.

В третьей части второй главы тематизируется онтология Рэя Брасье. Диссертант сразу же обращается к исходным установкам онтологии Брасье, одна из которых сразу же раскрывает понимание философом своего предмета: «философия, которая базируется не на научных представлениях о том, что такое мышление и каковы его содержания, является корреляционистской» (С. 86). Стало быть, реальность должна изучаться, прежде всего, естествознанием, а не «манифестной философией». Стремясь сделать мышление эмпирическим, философ обращается за помощью к нейронаукам и физической космологии, ибо, по его мнению, «естествознание и особенно нейрофизиология “знают реальность”» (С. 91). Для того, чтобы элиминировать корреляционизм («человеческий взгляд на мир»), – ибо «объект мыслит через субъекта» – и продемонстрировать «нашу подчиненность некоррелированному бытию», «философ предлагает рассмотреть способы сведения субъекта к объекту с неизбежным распадом последнего в самоаннигиляции материи. Вывернуть субъекта наизнанку, тем самым показав его равенство другим вещам, – вот один из ведущих мотивов работы мыслителя» (С. 90). Здесь мы сталкиваемся с чистейшим физикализмом, поскольку Брасье утверждает, что «нейрофизиология, согласно четким критериям умеет сводить некоторые наши феноменальные состояния к нейронным коррелятам», чего не умеет делать корреляционизм (С. 91–92). Анализируя эти пассажи философа, автор диссертации делает вполне обоснованный и тонкий вывод, согласно которому «большого понимания того, почему онтологии необходимо следовать за естествознанием (и нейронауками в частности) у Брасье мы не обнаружим.

Видимо, Брасье и, как выяснится далее, остальные спекулятивные реалисты просят нас подыграть себе и без веских оснований сделать ставку на какой-либо дискурс, который лежит за пределами онтологии. В случае Брасье – это естествознание» (С. 92).

Запутанная концепция устранения корреляционизма посредством операции «вычитания» и процесса «унилатеральности», по сути дела, мало что добавляет к общему физикалистскому подходу Брасье и также мало что проясняет в сложнейшем процессе элиминации субъекта и его установок. Последующие взгляды философа на субъект как на «человеческий биологический вид, который посредством наук открывает какое-то знание о себе как материальной структуре» (С. 109) в целом следуют в русле ранней концепции. Однако нельзя не отметить то новое, что появляется в «поздних» воззрениях Брасье: «Субъект для Брасье теперь не столько «живой мертвец», сколько самокорректирующаяся инстанция, которая через общественную практику включает в язык новые знания и понятия о себе как социо-биологическом механизме. Конечно, для этого субъект должен быть активен в отношении нескоррелированного бытия. Но при этом Брасье стремится сохранить пафос постепенного снижения корреляционизма посредством наук. Субъективную активность Брасье переносит на социальное поле, требуя от субъекта революционной перестройки общества ради общественной эмансипации. Также в процессе самопознания и самоконструирования субъект, считает Брасье, якобы выходит за пределы человеческого» (С. 109–110). Здесь мы без труда можем заметить, что злобредный корреляционизм, изначально выгнанный в дверь, теперь с торжествующим кличем влетел в окно.

Третья глава диссертации посвящена критике проектов преодоления корреляционизма в спекулятивном реализме. В этой главе автор продемонстрировал прекрасные аналитические способности и логико-методологическую грамотность в построении аргументации. Не останавливаясь на подробной дескрипции этой части работы, отмечу, что с общими заключениями автора трудно не согласиться. Главный вывод из

диссертации гласит: «По результатам разбора спекулятивного реализма мы видим, что никому из его представителей не удалось преодолеть корреляционизм. Чаще даже случалось наоборот: эти антикорреляционистски настроенные философы еще более усиливали корреляционизм. Помимо этой ведущей цели, новым онтологам не удалось достичь и других поставленных перед собой задач. У них не получилось обосновать обращение ни к одному из дискурсов, внешних онтологии, благодаря которому можно бы было приблизиться к вещи-в-себе. По большому счету, апелляция к математике в случае Мейясу, к естествознанию у Брассье и эстетике у Хармана является произвольной. <...> Некогда громко заявившее о себе и многообещающее интеллектуальное движение теперь лишь стало частью истории европейской философии начала XXI века» (С. 149–150). Остается только присоединиться к этому мнению автора диссертации.

Оценивая диссертацию в целом, нужно сказать, что она представляет собою целостное и законченное исследование, обладающее несомненными актуальностью и новизной, выполненное на высоком теоретическом и методологическом уровне. Автор демонстрирует развитые аналитические способности, хорошо знаком с первоисточниками и комментаторской литературой. Все положения и выводы диссертации логически обоснованы и достоверны. Диссертация имеет четкую и продуманную структуру. Исследование написано хорошим языком, автор полностью ориентируется в современной философской терминологии.

Правомерно будет сделать заключение о том, что диссертационное исследование И.А. Девайкина представляет собою самостоятельное, оригинальное, высокопрофессиональное исследование актуальной философской темы.

Вместе с тем, помимо указания на очевидные достижения и новизну работы, можно высказать определенные замечания.

1. В трансцендентальной философии И. Канта существует несколько коннотаций важнейшего понятия «вещь сама по себе» – как базовых, так и маргинальных. Автору следовало бы сразу, в самом начале работы четко указать, какой именно смысл «вещи самой по себе» используется в диссертации. В противном случае читателю приходится из контекста догадываться, что в данном случае разумеется под этим фундаментальным философским понятием.

2. Складывается впечатление (быть может, ошибочное), что автор до конца не определился и колеблется в своем отношении к спекулятивному реализму. Так, например, сначала автор справедливо утверждает, что корреляционизм невозможно преодолеть, но в то же время пытается «подыграть» спекулятивным реалистам в их попытках хоть как-то уменьшить традиционный корреляционизм и предлагает мало определенные и неразработанные способы «минимизации корреляционизма» (С. 23–25). В любом случае автору следовало бы либо писать об этих способах более подробно и концептуально, либо не писать вообще.

3. Некоторые мысли И. Канта переданы не совсем верно. Автор утверждает: «Трансцендентализм объявил, что философия не может заниматься реальностью как таковой, с которой работала докритическая мысль» (С. 27). Однако такого Кант не говорил и так не считал. Надо точнее и ответственнее формулировать такого рода программные основоположения!

Кроме того, диссертант пишет: «Вспомним, что Кант писал насчет бытия: “Ясно, что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений само по себе. В логическом применении оно есть лишь связка в суждении... словечко есть не составляет здесь дополнительного предиката, а есть лишь то, что предикат полагает по отношению к субъекту”» (С. 28). Кант здесь пишет не о бытии как таковом, а об опровержении онтологического аргумента в его примитивном виде, когда всего лишь логическая связка «есть» в высказывании постулирует реальное бытие!

Или: «Трансцендентализм установил, что реальность, в которой мы живем, является продуктом субъективной активности» (С. 29). Речь идет не о реальности! Имеется в виду (и не надо путать!) наше *конституированное представление* об этой реальности!

А также: «Корреляционизм, по мнению спекулятивного реализма, как ведущий сюжет также был задан Кантом. Но предпосылками его становления были тезис тождества бытия и мышления» (С. 37). Это не так. Как раз наоборот: т.н. «корреляционизм» Канта исходит из того, что бытие и мышление не тождественны! Мы познаем только явления, а не вещи сами по себе. Здесь либо неловкая фраза автора, либо неверное понимание Канта.

4. Недопустимо в кандидатской диссертации ссылаться на классиков философии по популярным или неавторитетным изданиям. Нельзя цитировать Декарта или Канта по изданиям издательства «Азбука» или любым похожим. Цитировать в кандидатской диссертации нужно по академическим изданиям, либо поприближающимся к академическим, авторитетным изданиям. Например, Декарта – только по «Философскому наследию», Канта – только по двуязычному изданию Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга, а если работы нет в двуязычном – тогда по восьмитомнику Канта, изданному А.Н. Гулыгой. Это замечание касается цитирования и всех других философов.

5. Технический недочет при обозначении века: написание «20 век» арабскими цифрами противоречит правилам русского языка. Следует использовать латинские цифры: «XX век».

Однако указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает всем требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.1. Онтология и теория познания (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно

приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Девайкин Игорь Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания.

Официальный оппонент:

доктор философских наук,

профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

СЕМЁНОВ

Валерий Евгеньевич

5 мая 2023 г.

Контактные данные:

тел.: +7(495) 939-23-15, e-mail: izf@philos.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», философский факультет

Тел.: +7(495) 939-19-25; e-mail: info@philos.msu.ru

Подпись В.Е. Семёнова удостоверяю:

Ученый секретарь

философского факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

кандидат философских наук

Н.Ю. Ключева

10 мая 2023 г.